

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-551-566>
<https://elibrary.ru/DEYTUS>

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1Р.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

© 2024 г. *М.В. Скороходов*

«Дачный топос» в советской поэзии середины — второй половины XX в. в контексте усадебной традиции¹

Аннотация: В статье рассматриваются особенности «дачного топоса» в русской литературе советского периода, прослеживается его связь с «усадебным топосом», отмечены их общие элементы. Особое внимание уделяется саду, в том числе соловьиному, отсылающему к поэме А.А. Блока «Соловьиный сад» (1915). Усадебный или дачный сад, ассоциативно связанный с Эдемским садом, оказывается важным как для усадьбы, так и для дачи, что нашло отражение в поэзии середины — второй половины XX в. В ряде рассматриваемых произведений дачная жизнь ассоциируется с безмятежным времяпрепровождением, а дача — с местом, где можно скрыться от суетного города и повседневных проблем, с которыми сталкивается человек. Дача позволяет объединиться и посвятить себя творчеству. При этом в ряде случаев, например в лирике А.А. Ахматовой, дачное одиночество оказывается дисгармоничным фактором. С дачей и усадьбой связаны не только страницы творческой биографии целого ряда русских поэтов советского периода, но и память о них: на кладбище в дачном Комарове похоронена Ахматова, на даче в поселке «Советский писатель» в 1991 г. покончила с собой Ю.В. Друнина. Проведенный анализ показывает, что «дачный топос» оказал существенное влияние на русскую поэзию рассматриваемого периода.

Ключевые слова: «дачный топос», русская литература, поэзия, А.А. Ахматова, А.А. Прокофьев, П.Г. Антокольский, Н.А. Заболоцкий, В.Б. Кривулин, Ю.В. Друнина.

Информация об авторе: Максим Владимирович Скороходов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Скороходов М.В. «Дачный топос» в советской поэзии середины — второй половины XX в. в контексте усадебной традиции // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения: коллективная монография / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 551–566. (Серия: «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8). <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-551-566>

© 2024. Maxim V. Skorokhodov

*“Dacha Topos” in the Soviet Poetry
of the Middle — Second Half of the 20th Century
in the Context of the Estate Tradition²*

Abstract: The article examines the features of the “dacha topos” in the Russian literature of the Soviet period, traces its connection with the “estate topos”, and notes their common elements characteristic of both toposes. Special attention is paid to the garden, including the nightingale garden, referring to Alexander Blok’s poem “Nightingale Garden” (1915). The estate or dacha garden, associatively connected with the Garden of Eden, turns out to be important for both the estate and the dacha, which is reflected in the poetry of the middle and second half of the 20th century. In a number of the works under consideration, the dacha life is associated with a serene pastime, and the dacha is associated with a place where one can hide from the hectic city and everyday problems faced by man. A dacha allows one to be secluded and devote oneself to creativity. However, in some cases, such as in the lyrics of Anna Akhmatova, dacha solitude turns out to be a disharmonious factor. Not only the pages of the creative biography of a number of Russian poets of the Soviet period are connected with the dacha and the estate, but also the memory of them: Akhmatova is buried in the cemetery in the dacha Komarovo, and Yulia Drunina committed suicide in 1991 in the dacha in the village “Soviet writer”. The analysis shows that the “dacha topos” had a significant influence on Russian poetry of the Soviet period.

Keywords: “Dacha Topos”, Russian Literature, Poetry, Anna Akhmatova, Alexander Prokofiev, Pavel Antokolsky, Nikolai Zabolotsky, Viktor Krivulin, Yulia Drunina.

Information about the author: Maxim V. Skorokhodov — PhD in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6390-5670>

E-mail: msk2002@rambler.ru

For citation: Skorokhodov, M.V. “‘Dacha Topos’ in the Soviet Poetry of the Middle — Second Half of the 20th Century in the Context of the Estate Tradition.” *Estate and Dacha in the Literature of the Soviet Era: Losses and Gains: A Collective Monograph*, comp. by O.A. Bogdanova, ex. ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 551–566. (Series: “Russian Estate in a Global Context”, issue 8). (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0758-8-551-566>

² This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00051), <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Если для писателей начала XX в. был значим как «дачный», так и «усадебный» топос, причем второй, укорененный в многовековой литературной традиции, оставался более распространенным, то спустя полвека ситуация существенным образом изменилась. В произведениях русских писателей советского времени усадьба ассоциировалась с прошедшей эпохой, характеризовалась как одна из примет ушедшего в небытие общественного строя. Или, как вариант, от усадьбы оставалась только внешняя оболочка, архитектура, «содержание» же становилось совершенно иным: в бывших усадебных зданиях размещались конторы колхозов и совхозов, музеи, коммуны с недавними беспризорниками, пионерские лагеря, больницы и санатории. Прежнее пространство при новом наполнении — это уже не усадьба в привычном для человека начала XX в. понимании. Как справедливо отметила О.А. Богданова, «...в русской литературе XX–XXI вв. именно дача, в силу культурно-исторических обстоятельств потеснившая усадьбу и принявшая на себя ряд ее функций, становится одной из важнейших форм репрезентации художественного пространства»³.

Дача, существовавшая в России в XIX – начале XX в. как более демократичный в сравнении с усадьбой вариант загородной жизни, в советские годы не претерпела столь существенных преобразований, как усадьба. Дачи, хотя и в измененном виде, существовали даже в самый, казалось бы, неблагоприятный для загородного отдыха период — на рубеже 1920–1930-х гг. Об этом свидетельствуют, в частности, рекламные объявления на страницах массового журнала «Красная нива». В № 32 от 5 августа 1928 г. звучит призыв к читателям знакомиться с книгами Госиздата «на даче, на курорте, в пути, дома» (объявление размещено на обложке издания). Такой призыв свидетельствует о том, что в тот период отдых на даче, как и на курорте, считался чем-то обыденным, достаточно распространенным. При чем чтение рассматривалось как важный элемент дачного времяпрепровождения, это сближало его с усадебным чтением, что нашло отражение в творчестве как поэтов, так и беллетристов XIX – начала XX в. В 1930-е гг. стали появляться новые дачи, в том числе писательские. В послевоенный период, в конце 1940-х – в 1950-е гг., этот процесс продолжился и даже активизировался. Приведенные наблюдения находят подтверждение в произведениях писателей середины – второй половины XX в.

³ Богданова О.А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 12–13. См. также: Богданова О.А. «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8, № 2. С. 200–219.

Для дачи характерно значительное число общественных пространств, мест общего пользования, где встречались и общались дачники — обычно близкие друг другу по социальному статусу и материальному положению люди. С дореволюционного времени «дачные местности» существенно отличались одна от другой знатностью и богатством своих обитателей. Дачниками-соседями, как правило, становились люди «своего круга». Это характерно не только для дач XIX – начала XX в., но и для тех дач, которые появились в Переделкине, а также и в других местах вблизи столичных городов. Так, например, на дачах в подмосковной Красной Пахре, в дачном поселке «Советский писатель», за собственные деньги выстроили типовые дачные домики (надо было выбрать один из трех вариантов) не только такие писатели как К.М. Симонов, А.Т. Твардовский, В.С. Розов, П.Г. Антокольский, Ю.М. Нагибин, М.Л. Матусовский, Ю.В. Трифонов, В.Ф. Тендряков, Г.Я. Бакланов, Ю.С. Семенов, Ю.В. Бондарев, А.Я. Каплер и Ю.В. Друнина, но и, например, режиссер Э.А. Рязанов, ставший членом дачного кооператива и даже избранным председателем правления. В «Советском писателе» обустроились также Д.Б. Кабалевский, Р.Л. Кармен, М.И. Ромм, З.Е. Гердт и многие другие. Для получения права жить в кооперативе «Советский писатель» необязательно было являться писателем, достаточно было состоять членом одного из творческих союзов и иметь средства на возведение и обустройство собственного дома.

Будущие члены дачного кооператива «Советский писатель» еще в 1920-е гг. обращались в своем творчестве к усадебной тематике. Например, Антокольский в раннем стихотворении «Пушкин» (1926) рассматривал великого русского поэта как представителя «усадебной культуры» — «Все на карту! Наследье усадеб, / Вековое бессудье и грусть...»⁴ Спустя более полувека образ Пушкина в стихотворении Друниной «Болдинская осень» (1980) также вызвал в памяти поэтессы усадьбу:

А мокрый всадник,
Коня прищпоря,
Летит наметом
По целине.
И вот усадьба,
И вот подворье,
И тень,
Метнувшаяся в окне⁵.

⁴ Антокольский П.Г. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982. С. 65.

⁵ Друнина Ю.В. Избранные произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 2. С. 338.

«Усадебный» и «дачный» топосы сближает сад. Мотив сада в литературе советской и постсоветской эпохи позволяет подчеркнуть значимость важного для отечественной культуры элемента — «усадебного топоса», обозначить связи с русской литературной и культурной традицией, а также охарактеризовать особенности дачной жизни. В стихотворении Антокольского «Фургон» (1967) в сновидениях предчувствующего скорую гибель возницы бродячего зверинца («Возница спит. Во сне он краше принца, / Богат, удачлив, молод, знаменит»⁶) рождаются мечты о саде как о символе житейского благополучия и свидетельстве удавшейся жизни: «Жить с внуками и подстригать свой сад...»⁷.

В творчестве авторов советского времени, не имевших личного опыта усадебной жизни, сад часто связан с дореволюционным прошлым. Характерный пример — стихотворение А.А. Прокофьева «День, равный тысячелетию, тяжелые руки простер...», открывающее цикл «Революция» (1931) со строкой: «И к черту летит усадьба, и с ней — соловьиный сад»⁸. Этот мотивный комплекс, по справедливому замечанию В.В. Базанова и В.В. Бузник, соотносится с поэмой А.А. Блока «Соловьиный сад» (1915). Комментаторы предполагают также, что здесь содержится «намек на известный факт разорения дачи Блока, описанный в статье Маяковского “Умер Александр Блок”»⁹. Образ сада актуален и для произведений Прокофьева более позднего времени. Так, в стихотворении «Гармонь» (1953) наблюдается мифологизация сада:

Входят в песню пять садов.
Первый сад — тополиный,
А второй — соловьиный,
В третьем — вечное лето,
А четвертый — в самоцветах,
Лучше пятого нету!..¹⁰

В том же году написано стихотворение «Соловьи», в финале которого вновь звучат аллюзии на поэму Блока: «Что-то есть от соловья / В вашем звонком голосе»¹¹.

⁶ Антокольский П.Г. Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1971–1973. Т. 1. С. 194.

⁷ Там же. С. 195.

⁸ Прокофьев А.А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 162.

⁹ Базанов В.В., Бузник В.В. Примечания // Прокофьев А.А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 864.

¹⁰ Прокофьев А.А. Стихотворения и поэмы. С. 398.

¹¹ Там же. С. 403.

В стихотворении Прокофьева «Простор» (1953 или 1954) создается образ весеннего цветущего соловьиного сада:

А рядом свищут соловьи
И пеночки поют.
А рядом яблони мои
Цвести не устают¹².

Спустя несколько лет, в 1957 г., Прокофьевым было написано стихотворение «Соловьи в садах отголосили...»¹³. Значительное место рассматриваемый мотив занимает и в более ранней поэме Прокофьева «Россия» (1943–1944):

Соловьи, соловьи, соловьи,
Не заморские, не чужие,
Голосистые, наши, твои,
Свет немеркнущий мой, Россия!¹⁴

В характеристике творческой истории поэмы отмечено: «...А. Прокофьев рассказывал, как однажды он шел по одному из участков Волховского фронта и вдруг, в короткую минуту затишья, услышал пенье соловьев. “Как будто и войны нет. Как будто и не свистели только что осколки возле веток, на которых они сидели. Растрогали они меня. Я и записал несколько строчек себе в блокнот...”»¹⁵ «Усадебный» в своей первооснове образ дополняется новыми ассоциациями. Отметим, что фрагмент поэмы Прокофьева, начиная со строки «Соловьи, соловьи, соловьи», положен на музыку и благодаря этому получил широкую известность. В стихотворении «Возле речки в тумане...» (1959) среди того, чем «земля привлекает», лирический герой отмечает:

Первой звонкой капелью
И росой на устах,
Соловьиною трелью
В соловьиных кустах¹⁶.

¹² Там же. С. 417.

¹³ Там же. С. 449.

¹⁴ Там же. С. 765.

¹⁵ Бахтин В.С. Примечания // Прокофьев А.А. Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Худож. лит., 1965–1966. Т. 2. С. 510.

¹⁶ Прокофьев А.А. Стихотворения и поэмы. С. 495.

Варианты мотива соловьиного сада у Прокофьева крайне разнообразны¹⁷. Однако не только восхищение садом занимало писателей-дачников. Обустройство на новом месте, налаживание дачной жизни отнимало существенное время писателей, вызывало не только регулярные поездки из города на дачу и обратно, но и значительные материальные затраты. Количество и многообразие вещей, которые необходимо было доставить за город, впечатляет. Вот только план того, что М.М. Пришвин планировал загрузить в первую машину и отвезти из Москвы в Дунино (дневниковая запись от 11 сентября 1946 г.):

...самоварчик, охотничьи сапоги и резиновые, термос, ружье и патроны, купить лампочки и плитки 220, блесны и удилица, насыпки для сеников, подушки, одеяла, простыни, полотенца личные, тряпки, клеенку на стол, занавески, лампу, керосин, спички, кочергу, ухват, топор, вилы, лопату и пр., ведра, кадки, чугуны, кастрюли, сковородки, посуда всякая, умывальник, шайки, таз эмалированный, мочалку, мыло, угольный уют¹⁸.

Писатели советского времени на дачах, как правило, не только отдыхали и посвящали себя творчеству, но и занимались посадкой растений, обустройством клумб и огорода, а также другими делами, необходимыми для поддержания порядка на выделенном им участке. Для кого-то из писателей дача являлась не только творческой лабораторией, но и местом общения с близкими по духу людьми. Так, дом на небольшой даче А.А. Ахматовой в Комарове под Ленинградом, как отмечает Н.В. Михаленко, «стал центром притяжения деятелей искусства и культуры, своеобразно продолжая усадебную традицию. В гостях у Ахматовой здесь бывали Д.С. Лихачев, С.С. Прокофьев, Ф.Г. Раневская, Б.А. Ахмадулина и многие др. На даче собирались молодые поэты (“волшебный хор” — Е.Б. Рейн, Д.В. Бобышев, А.Г. Найман, И.А. Бродский), которые приносили свои стихи, рассуждали о поэзии»¹⁹. Сохранилось описание ахматовской дачи:

С торца дома — высокое крыльцо, с которого попадаешь в крохотный коридорчик. Справа — маленькая кухня, слева — дверь в комнату Анны

¹⁷ Подробнее см.: *Скорыходов М.В.* Сад Эдемский — усадебный — дачный в русской литературной традиции // *Вестник славянских культур.* 2023. Т. 69. С. 248–256.

¹⁸ *Пришвин М.М.* Дневники 1946–1947. М.: Новый Хронограф, 2013. С. 283.

¹⁹ *Михаленко Н.В.* Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А.А. Ахматовой // *Mundo Slavico.* 2023. № 22. С. 118.

Андреевны. <...> В комнате Анны Андреевны — маленький рабочий стол и кресло. Кровать представляет собой кроватьную раму с сеткой, поставленную по углам на кирпичи. На стене книжная полка <...> икона «Рождество Христово». На участке, вблизи дома, колодец. Рядом с крыльцом небольшая клумба с цветами. У забора несколько кустов бузины. Около них грядки с картошкой и различной зеленью²⁰.

В Комарове находилась не только выделенная Ахматовой Литфондом дача, но и Дом творчества писателей, в котором она также проживала. Впечатления от комаровской жизни отразились в литературном наследии поэтессы. Так, в стихотворении от октября 1956 г. «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...» противопоставляются две возможности отдыха: «на юге» — «в райском саду» и там, где «северно очень». Лирическая героиня сознательно выбрала второй вариант, взяв себе «осень в подруги», однако это вызывает ощущение неопределенности и мысли о смерти: «Живу, как в чужом, мне приснившемся доме, / Где, может быть, я умерла». Даже наблюдение за природными объектами приводит к тревоге: «И светится месяца тусклый осколок, / Как финский зазубренный нож»²¹. Упоминание финского ножа переключается с использованным в стихотворении топонимом Суоми — названием Финляндии на финском языке — и отсылает к месту создания произведения — до начала 1940-х гг. Комарово входило в состав Финляндии²².

В стихотворении «Пусть кто-нибудь сюда придет...», написанном в Комарове в летний период (датировано 2 июля <1958 ?>), место пребывания вновь вызывает тревогу — сиротливость героини не может скрасить безмолвный призрак, который «незримо / Со мною ест, со мною пьет»²³. Этой ситуацией вызван и звучащий в первой строке призыв — одиночество невыносимо.

В стихах Ахматовой рубежа 1950–1960-х гг., написанных в Комарове, далеко не всегда можно проследить какую-либо соотнесенность с местом создания. Однако в целом ряде текстов элементы загородной жизни играют весьма существенную роль. Так, в стихотворении «Угощу под завет-

²⁰ Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. 1997. № 2. С. 262.

²¹ Ахматова А.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2. Кн. 1. С. 183.

²² В комментариях к стихотворению отмечено, что оно написано после «невстречи» Ахматовой с И. Берлином и ее возвращения в конце сентября 1956 г. из Москвы в Ленинград (Королева Н.В. Комментарии // Ахматова А.А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2005. Т. 2. Кн. 1. С. 566).

²³ Ахматова А.А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 216.

нейшим кленом...», датированном июлем — августом 1961 г., возникает почти идиллическая картина безмятежного времяпрепровождения на лоне природы:

Угощу под заветнейшим кленом
Я беседой тебя не простой, —
Тишиною с серебряным звоном
И колодезной чистой водой²⁴.

Интересная деталь — в стихотворении «Через 23 года» указаны не только место создания и дата, но также время и состояние природы: «13 мая 1963. Днем / Комарово / (Холодно, серо, мелкий дождь)»²⁵. В стихотворении «Последний день в Риме», написанном 24 декабря 1964 г., без указания места, явственно звучит мотив Комарова:

Для меня комаровские сосны
На своих языках говорят
И совсем как отдельные весны
В лужах, выпивших небо, — стоят²⁶.

Все это свидетельствует о том, что даже при отсутствии в текстах стихотворений прямых отсылок к комаровской даче, природа, погодные условия в дачной местности играют определенную роль в создании лирического настроения и таким образом опосредованно влияют на художественное произведение.

Если Ахматова страдала в Комарове от одиночества и стремилась общаться там с близкими ей по творческому замыслу людьми, но для других поэтов дача становилась местом долгожданного уединения, которого трудно было достичь в городе с его повседневной суетой. Такой вариант загородного времяпрепровождения отразился в стихотворении В.Б. Кривулина «Памяти Шостаковича»: «и ходики устроены как дача / как дом уединенья и работы»²⁷. В творчестве Кривулина спектр тем, связанных с дачной жизнью, достаточно широк. Так, в стихотворении «Душный ветер» (1999) упоминается «правительственная дача»: «нас там не было близ мокрого настила / по-над пристанью правитель-

²⁴ Ахматова А.А. Собр. соч. Т. 2. С. 113.

²⁵ Там же. С. 159.

²⁶ Там же. С. 219.

²⁷ Кривулин В.Б. Стихи. Париж: Ритм, 1981. С. 51.

ственной дачи»²⁸. В произведении «На пороге» (1994) внимание автора привлекает «дачный стиль»: «временный расцвел зеленый дачный стиль / душевные цветы качнулись и уснули»²⁹. Кривулинские образы формируют «дачный топос».

В начале стихотворения «Господне Лето» (1994) предполагающая спокойное времяпрепровождение дачная жизнь противопоставляется трагедии, вызванной арестами. К тому здесь обыгрываются омофоны — слова, созвучные фамилиям писателя И.С. Шмелева и философа Л.И. Шестова:

Господне Лето! ни шмелев ни шестов
такую не застали благостынь
аресты в мае в райскую теплынь
в июле в пору дачного блаженства
конвейерный допрос поток слепящей тьмы...³⁰

Обратим внимание на стихотворение Кривулина «Сестры в зарослях» с подзаголовком «(столетье назад)», отсылающее к пьесе А.П. Чехова «Три сестры»: «чеховское чаепитие / на веранде — и вязанье / нудящего разговора»³¹, — и погружающее в атмосферу XIX столетия с обозначением характерных символов усадебной и дачной жизни. Чтение, в том числе газет, беседы, демонстрация нарядов и даже вызывающие ощущение запустения заросли крапивы, присутствие птиц и доски дачного забора — все это нашло отражение в стихотворении Кривулина и позволило поэту создать точный и объемный образ дачного и усадебного мира. В данном контексте невозможно однозначно разделить детали, характерные для усадебной или только для дачной жизни, здесь значимо следование традициям русской литературы, для которой важны различные составляющие («элементы») загородной жизни.

Иные акценты можно проследить в стихотворении «Сирень наяву и на пленке»³². Сирень, которая может являться и городским растением, в данном случае выступает как один из символов загородного сада. В усадебно-дачном контексте упоминаются писательские дачные поселки «в Переделкине и в Комарове»³³, причем подчеркивается значимость для

²⁸ Кривулин В.Б. Стихи после стихов. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «Блиц», 2001. С. 85.

²⁹ Там же. С. 93.

³⁰ Там же. С. 98.

³¹ Кривулин В.Б. Обращение. Ленинград: Сов. писатель, 1990. С. 35.

³² Там же. С. 50.

³³ Там же.

их существования как обитателей дач, так и природной составляющей — «дача состоит из настроений / и прерывистой погоды»³⁴. Дача, в отличие от городской квартиры, тесно связана с природным окружением, с изменением погодных условий: «прерывистая погода» влияет на настроение дачников.

Дача — это то пространство, в котором «доживает фетровые годы / лирика родной земли и крови / в резервацию усадебных мотивов / допускаются свободные слависты...»³⁵. Писательские дачные поселки становятся, по мысли Кривулина, последними пристанищами «усадебной культуры», которая оказалась в «резервации». Точнее, в резервации находится даже не сама усадьба, а «усадебные мотивы», сохранившиеся лишь благодаря классической традиции. В Перedelкине и в Комарове вместе живут и писатели, и исследователи их творчества — «свободные слависты». Значимо упоминание фетра — вяленого материала из козьего или кроличьего пуха, который, в отличие от более толстого и грубого войлока, идущего на валенки, использовали для изготовления шляп, одежды, игрушек, сумочек. Фетр — материал, пригодный для рукоделия, создания чего-то изящного, изысканного и, в общем-то, недолговечного. Фетровые шляпы были широко распространены в XIX в.³⁶ Впрочем, и в 1960–1970-е гг. в Советском Союзе публиковались стандарты (ГОСТы), которым должны были следовать изготовители фетровых шляп.

Подчеркнем, что в стихотворении «Сирень наяву и на пленке» дачная жизнь не ассоциируется с безмятежным времяпрепровождением. Трагическим фоном звучат в финале воспоминания о погибших писателях, проживавших на дачах:

...скоро въедут новые владельцы
включат видео — и оживет картина:
ДЕБРИ НОСТАЛЬГИЧЕСКОГО ДЕТСТВА
МОКРЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ СИРЕНИ
на японской пленке явственнее пятен
послесталинской лиловой светотени
за стеклом веранды
умерший писатель

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ См.: Русский костюм. 1750–1917: в 5 вып.: мат-лы для сценических постановок русской драматургии от Фонвизина до Горького / под ред. В.Ф. Рындина. М.: Изд-во Всероссийского театрального об-ва, 1960–1972; Энциклопедия моды. СПб.: Литера, 1997. С. 184, 246, 360.

это ли размытое цветенье
видел приподнявшись на кровати
и переходя в иное измеренье?³⁷

Мотив сирени проходит через все стихотворение: это и реальный дачно-усадебный кустарник, и сирень, вдохновившая художника, — обратим внимание на начальные строки произведения: «смутны свежewe-мытые кисти / мокрыe тяжелые сирени»³⁸, хотя это могут быть не кисти художника, а кисти сирени. В стихотворении подчеркивается эскизность, незавершенность картины, присутствуют переключки с уже процитированными финальными строками, где «лиловая светотень» переходит в импрессионистическое «размытое цветенье». Для одного из самых «дачных» стихотворений Кривулина характерна кольцевая композиция, и сирень служит здесь напоминанием и об усадьбе, и о даче, и о трагической судьбе творца — будь то художник, писатель или ученый-славист. Примечательно, что об «усадебном» в творчестве Кривулина писал недавно А.В. Марков³⁹.

Опыт дачной жизни был и у Н.А. Заболоцкого, который получил во второй половине 1940-х гг. разрешение поселиться в Москве. С июня 1946 г. по июль 1948 г. поэт с семьей жил в Переделкине сначала на даче В.П. Ильенкова (здесь у него «была отдельная маленькая тихая комнатка для работы на втором этаже дачи»⁴⁰), а затем у Кавериных. «Переделкино мне очень по душе. Здесь хорошо работается, и милая московская природа так успокаивает душу. В город я стараюсь ездить как можно реже, что, впрочем, не всегда удается», — сообщал Заболоцкий в письме к И.Н. Томашевской 8 августа 1946 г. из Переделкина⁴¹. «Буду очень рад, если Вы навестите меня в Переделкине — при случае», — обращался он в тот же день в письме к М.В. Юдиной⁴².

Приметы переделкинской жизни прослеживаются в ряде произведений Заболоцкого. В числе наиболее показательных — стихотворение «В этой

³⁷ Кривулин В.Б. Обращение. С. 51.

³⁸ Там же. С. 50.

³⁹ Марков А.В. Иконография русской усадьбы в поэзии Виктора Кривулина, Елены Шварц и Ольги Седаковой // Вестник Владимирского гос. ун-та им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2018. № 3 (19). С. 81–91.

⁴⁰ Заболоцкий Н.А. Об отце и о нашей жизни // Воспоминания о Н. Заболоцком. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1984. С. 253–254.

⁴¹ Заболоцкий Н.А. Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1983–1984. Т. 3. С. 347.

⁴² Там же.

роще березовой...» (1946). Сын поэта вспоминал, что окно комнаты, где работал поэт, «выходило в березовую рощу, которая в то время была настоящим лесом, так как соседние дачи стояли достаточно далеко. С раннего утра роща наполнялась голосами птиц, и иволга тоже пела»⁴³. Здесь после долгого периода лагерной жизни и скитаний Заболоцкий смог вернуться к полноценной творческой работе — не только к переводам, но и к сочинению собственных произведений. «Березовая роща» в Переделкине представляется поэту как особое пространство, близкое к Эдемскому саду, где недоступны тревоги и заботы, окружающие человека в других местах, —

Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей⁴⁴.

В стихотворении «Поэт» (1953), прозвучавшем «любовным и восхищенным лирическим раздумьем» о Пастернаке «в переделкинском слиянии с русской природой»⁴⁵, точно переданы не только «самый облик Пастернака», но и «природа Переделкина»⁴⁶:

Черен бор за этим старым домом,
Перед домом — поле да овсы.
В нежном небе серебристым комом
Облако невиданной красы⁴⁷.

Переделкинские реалии отразились и в стихотворении «Генеральская дача» (1958) — владелец этой дачи, «старичок-генерал», имел перстенок с незатейливым камнем, с которым были связаны воспоминания военной поры о любви. Произведение имеет кольцевую композицию, поэтому топоним Переделкино, как и слово «дача», повторены в нем дважды⁴⁸, что подчеркивает их значимость.

⁴³ Заболоцкий Н.Н. Об отце и о нашей жизни. С. 254.

⁴⁴ Заболоцкий Н.А. Собр. соч. Т. 1. С. 202.

⁴⁵ Маргвелашивили Г.Г. Свет памяти // Воспоминания о Н. Заболоцком. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1984. С. 231.

⁴⁶ Степанов Н.Л. Из воспоминаний о Н. Заболоцком // Воспоминания о Н. Заболоцком. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1984. С. 171.

⁴⁷ Заболоцкий Н.А. Собр. соч. Т. 1. С. 256.

⁴⁸ Там же. С. 441–442.

Последние два года своей жизни Заболоцкий жил «на Оке, в маленьком городишке Тарусе» (из письма поэта к С.И. Чиковани от 13 августа 1957 г.⁴⁹). «Теперь это захолустье, прекрасные холмы и рощи, великолепная Ока. Здесь жил когда-то Поленов, художники тянутся сюда толпами», — писал Заболоцкий годом позже, 15 августа 1958 г., А.К. Крутецкому⁵⁰. «Две комнатки с терраской выходили на заросшую травой улицу, — вспоминал Н.Л. Степанов. — Вокруг сновали гуси, утки, куры, цыплята. Вообще не очень-то любивший длительные прогулки, он вел теперь из-за болезни малоподвижный образ жизни, часто отдыхал на лавочке в саду под огромной грушей. В Тарусе ему как-то особенно хорошо работалось»⁵¹.

Среди стихотворений, навеянных пребыванием в Тарусе, — «Птичий двор», «Стирка белья», «Летний вечер», «Вечер на Оке», «Гроза идет» (все — 1957), «Городок» (1958). Для поэта важно не описание каких-то значимых элементов «дачного топоса», а доступное здесь, в Тарусе, на высоком берегу Оки, «очарование русского пейзажа», в котором «Есть подлинная радость, но она / Открыта не для каждого и даже / Не каждому художнику видна»⁵². В стихотворении «Подмосковные рощи» (1958) пейзажи не окские, а москворецкие, однако именно в этом произведении при воспоминании о навсегда ушедших временах как значимая часть былой жизни фигурирует усадьба:

Леса с обломками усадеб,
Места с остатками церквей
Все так же ждут вороных свадеб
И воркованья голубей⁵³.

С дачей и усадьбой (вследствие преломления в новых социально-экономических условиях памяти об «усадебной культуре», сохраняющей свою значимость как благодаря мощной литературной традиции, так и из-за фрагментов усадебных пространств — прежде всего, памятников усадебного зодчества) связаны не только страницы творческих биографий целого ряда русских поэтов середины — второй половины XX в., но и память о них. На кладбище в дачном Комарове похоронена А.А. Ахматова. На даче в поселке «Советский писатель» в 1991 г. покончила с собой Ю.В. Друни-

⁴⁹ Заболоцкий Н.А. Собр. соч. Т. 3. С. 377.

⁵⁰ Там же. С. 380.

⁵¹ Степанов Н.Л. Николай Заболоцкий (1903–1958) // Заболоцкий Н.А. Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1983–1984. Т. 1. С. 7.

⁵² Заболоцкий Н.А. Собр. соч. Т. 1. С. 312.

⁵³ Там же. С. 321.

на, ранее наслаждавшаяся здесь, как и многие ее современники, дачной жизнью, которая прерывалась обычно с наступлением осени. И тогда —

Не до игры:
И холодно.
И сыро.
Мои соседи уезжают с дач,
Торопятся на зимние квартиры.

Буксуют дюжие грузовики.
До хрипоты ругаются шоферы.
Надев резиновые сапоги,
Я уйду в осенние просторы.

(из стихотворения «Заброшен в угол
волейбольный мяч...»; 1953)⁵⁴.

«Дачный топос», во многом унаследовавший традиции «усадебного топоса», оказал существенное влияние на русскую поэзию советского периода, что подтверждают многочисленные примеры, приведенные в данной статье.

Список литературы

Исследования

- 1 *Базанов В.В., Бузник В.В.* Примечания // *Прокофьев А.А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 845–922.
- 2 *Бахтин В.С.* Примечания // *Прокофьев А.А.* Собр. соч.: в 4 т. М.; Л.: Худож. лит., 1965–1966. Т. 2. С. 509–511.
- 3 *Богданова О.А.* «Дачный миф» в русской литературе рубежа XX–XXI вв.: случай Юрия Мамлеева // *Studia Litterarum.* 2023. Т. 8, № 2. С. 200–219.
- 4 *Богданова О.А.* Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // *Studia Litterarum.* 2022. Т. 7, № 3. С. 10–29.
- 5 *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // *Вопросы литературы.* 1997. № 2. С. 261–301.
- 6 *Королева Н.В.* Комментарии // *Ахматова А.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2005. Т. 2. Кн. 1. С. 393–629.
- 7 *Марков А.В.* Иконография русской усадьбы в поэзии Виктора Кривулина, Елены Шварц и Ольги Седаковой // *Вестник Владимир-*

⁵⁴ *Друнина Ю.В.* Избранные произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. С. 102.

- ского гос. ун-та им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2018. № 3 (19). С. 81–91.
- 8 *Михаленко Н.В.* Усадебный и дачный топосы: Царское Село и Комарово в жизни и творчестве А.А. Ахматовой // *Mundo Slavico*. 2023. № 22. С. 111–120.
- 9 Русский костюм. 1750–1917: в 5 вып.: мат-лы для сценических постановок русской драматургии от Фонвизина до Горького / под ред. В.Ф. Рындина. М.: Изд-во Всероссийского театрального об-ва, 1960–1972.
- 10 *Скороходов М.В.* Сад Эдемский — усадебный — дачный в русской литературной традиции // *Вестник славянских культур*. 2023. Т. 69. С. 248–256.
- 11 *Степанов Н.* Николай Заболоцкий (1903–1958) // *Заболоцкий Н.А.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1983–1984. Т. 1. С. 5–28.
- 12 Энциклопедия моды. СПб.: Литера, 1997. 410 с.

Источники

- 13 *Антокольский П.Г.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Худож. лит., 1971–1973. Т. 1. 528 с.
- 14 *Антокольский П.Г.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982. 784 с.
- 15 *Ахматова А.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2005. Т. 2. Кн. 1. 640 с. Т. 2. Кн. 2. 528 с.
- 16 *Друнина Ю.В.* Избр. произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. 384 с. Т. 2. 552 с.
- 17 *Заболоцкий Н.А.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1983–1984. Т. 1. 656 с. Т. 3. 416 с.
- 18 *Заболоцкий Н.Н.* Об отце и о нашей жизни // *Воспоминания о Н. Заболоцком*. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1984. С. 240–272.
- 19 *Кривулин В.Б.* Обращение. Л.: Сов. писатель, 1990. 62 с.
- 20 *Кривулин В.Б.* Стихи после стихов. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «Блиц», 2001. 144 с.
- 21 *Кривулин В.Б.* Стихи. Париж: Ритм, 1981. 62 с.
- 22 *Маргвелашвили Г.Г.* Свет памяти // *Воспоминания о Н. Заболоцком*. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1984. С. 226–239.
- 23 *Пришивин М.М.* Дневники 1946–1947. М.: Новый Хронограф, 2013. 968 с.
- 24 *Прокофьев А.А.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1976. 956 с.
- 25 *Степанов Н.Л.* Из воспоминаний о Н. Заболоцком // *Воспоминания о Н. Заболоцком*. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1984. С. 157–178.